

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

УКРАДЕННЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

ЭКСМО

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Украденные воспоминания

«ЭКСМО»

2014

Островская Е. Н.

Украденные воспоминания / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2014 — (Татьяна Устинова рекомендует)

Наташа никак не могла преодолеть черную полосу. Потеряв работу, она долго искала новое место и наконец нашла его, но в день собеседования ее обрызгала грязью проезжающая мимо машина... В автомобиле оказался глава того самого фонда, куда Наташа хотела устроиться. И Джон Хадсон не только решил подвезти девушку, но и сразу взял ее на работу. Жизнь постепенно начала налаживаться, когда Наташа получила от босса неожиданное предложение – выйти за него замуж! Подписав брачный контракт, Наташа с Джоном отправились в свадебное путешествие, и тут из России пришло пугающее сообщение: счета фонда арестованы, а все его сотрудники за решеткой. Вскоре их выпустили под подписку о невыезде, однако, едва выйдя на свободу, ее коллеги стали один за другим погибать... Даже в Америке, на родине мужа, Наташа не чувствовала себя в безопасности и знала: ей не будет покоя, пока она не поймет, зачем на самом деле Хадсону понадобился этот скоропалительный брак...

© Островская Е. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Островская

Украденные воспоминания

Глава 1

Большинство людей всю жизнь занимается самым распространенным видом спорта – бегом за удачей. И очень многие становятся «мастерами спорта» – завоевывают первые места в очередях на увольнение, на выселение, на проигрыши в лотереях, на протечки в квартирах и на разводы. С ними всегда случаются неприятности: у только что купленной обуви отваливается каблук, на них лают самые смирные собаки, даже когда они стоят на месте, новый начальник оказывается хуже предыдущего, по утрам не заводится автомобиль, а у новогоднего шампанского сильный привкус дрожжей.

Наташа Пешкова поняла это случайно, когда спешила на собеседование, которое ей назначили в одной весьма значительной фирме. Месяц назад она осталась без работы: предприятие, на котором трудилась, приказало долго жить. Уволили не только ее, но и всех остальных сотрудников, и некоторые, узнав, что лишаются насиженных мест, в отчаянии унесли с собой рабочую мебель или компьютерные мониторы.

– Хоть какая-то компенсация! – объяснила Наташе ее коллега Илона Харина, пытаясь впихнуть офисное кресло в багажное отделение своего «Тико». – Два года отпахала на этого козла, а теперь меня коленом под зад...

Она посмотрела на Наташу и сделала еще одну попытку, снова безуспешную.

– Ну, что стоишь? Помогай!

Наташа обернулась по сторонам: участвовать в воровстве ей не хотелось. За шторой кабинета генерального директора маячила тень: судя по всему, Марат Артурович наблюдал за ними.

– Григорян смотрит, – шепотом предупредила Наташа коллегу.

– Да пошел он! – отмахнулась та.

Кресло наконец влезло, что очень удивило Илону.

– Надо же! – сказала она и, довольная, улыбнулась. – Завтра еще что-нибудь прихвачу.

– Завтра суббота, – напомнила Наташа.

– Тогда я два раза приеду, возьму еще одно кресло и музыкальный центр из приемной. Я же на этого урода два года, как последняя дура, вкалывала. Как и ты впрочем. Ну ладно, садись в машину, чего тебе на метро трястись.

Илона была девушкой доброй и отзывчивой. Особенно на зов начальства. Она действительно отработала на Григоряна два года офис-менеджером, то бишь секретаршей, и весь коллектив знал о ее особых отношениях с шефом.

Марат Артурович владел финансовой компанией, основной целью которой было преумножение накоплений григоряновских родственников. Не всех, разумеется, а только тех, у кого накопления имелись. Таковых было не очень много: родной дядя Ашот – сотрудник одного из министерств, его жена Карина – руководитель центра социальной помощи, родной брат Гамлет – заместитель главы администрации одного из городских районов, а также жена брата Анжелика – начальница ПИБа того же района.

Возглавляемая Григоряном финансовая компания была небольшой, но занималась всем, что могло принести доход: скупала ценные бумаги разоряющихся предприятий, в основном акции магазинов, поставляла на российский рынок армянский хрусталь и коньяк, участвовала в долевым строительстве, обменивая украинскую арматуру и китайский цемент на квартиры. Последней крупной сделкой стала покупка участка земли неподалеку от наземного вестибюля одной из станций метро. Землю приобрели и очень быстро перепродали известной компании,

которая тут же начала строить на том месте торгово-развлекательный центр. Дядю Ашота после этого торжественно проводили на пенсию, брат Гамлет решил перебраться жить во Францию, и Марату Артуровичу не оставалось ничего другого, как закрыть свою фирму.

Наташе не досталось ничего, даже рабочего стула с матерчатым синим сиденьем. Только запись в трудовой книжке о том, что она три года отработала биржевым аналитиком. Заниматься ей приходилось, разумеется, не биржевыми торгами, а составлением балансовых отчетов, потому что главным бухгалтером компании числилась жена Григоряна, которая в бухгалтерии ничего не понимала и на работу приходила крайне редко. Наташе даже казалось, что Сусанна Арутюновна появлялась в офисе лишь затем, чтобы поболтать с подругами по телефону. Она заходила в кабинет мужа и очень громко с кем-то беседовала. Говорила на армянском, иногда вставляя в свою речь и русские фразы: «Да ты что? Обалдеть можно! Две тыщи евро за короткое платье? Я за полторы купила себе длинное... Ладно, потом перезвоню, я в офисе сейчас – очень много работы...»

Сусанна Арутюновна смотрела на Наташу косо, подозревая, что именно Пешкова является любовницей мужа. Она даже у Илоны этим поинтересовалась. Но та ее разубедила.

– Ни в коем случае, – ответила секретарша Григоряна, – у Наташи есть жених.

Это было неправдой, у Наташи не было ни жениха, ни мужа, ни любовника. Но если кто-то интересовался ее личной жизнью, она кивала: «Имеется, как и у всех». И замолкала, потому что долго врать не могла. Если честно, то и лживая запись в трудовой книжке ее немного смущала. Но лживые записи были у всех сотрудников, а не только у Сусанны Арутюновны. Илона, например, числилась супервайзером по мерчендайзингу.

А потом все рухнуло. Наташа начала искать работу, и это оказалось нелегким делом. Только через месяц поступило первое стоящее предложение – пройти собеседование в инвестиционном фонде. И вот сейчас, спеша на собеседование, она подумала о том, что все люди гонятся за удачей и не у всех это получается. Так же как некоторые ездят на автомобилях, а другие ходят пешком.

Сияло утреннее солнце, отражаясь ослепительным блеском в оставшихся после ночного ливня лужах. Наташа спешила, задумалась и потеряла бдительность, когда рядом пронесся автомобиль, окатив ее с ног до головы. Вероятно, половина лужи выплеснулась ей на платье, на прическу, на почти новую кожаную сумочку...

Наташа замерла с поднятыми руками, потом наклонила голову, чтобы посмотреть на туфельки, и с головы потекла грязная вода. О собеседовании можно было забыть, а значит, и о новой работе в приличной компании.

Медленно задним ходом подъехал автомобиль. Вероятно, тот самый, который и облил ее грязью. Наташа на всякий случай сделала шаг назад. Дверца автомобиля отворилась и из салона высунулся господин.

– Сорри, – произнес он, – я, кажется, навредил вам немного.

«Иностранец, – догадалась Наташа. – Хорошенькое дело – немного...»

Господин начал рассматривать ее, а потом вышел. Он был высоким, холеным, в дорогом костюме.

– Скажите, куда вам надо, – произнес незнакомец, – мой водитель вас доставит.

– Не стоит, – ответила Наташа. Но в машину почему-то села и назвала адрес.

– По пути, – усмехнулся водитель.

Босс бросил на него строгий взгляд.

– Это мой шофер вас так... – то ли объяснил, то ли посочувствовал господин. И тут же пообещал: – Я его уволю за невнимательность.

– Не надо, – попросила Наташа, – он не хотел.

– Не хотел, – закивал водитель, не оборачиваясь.

«Некоторые разъезжают на автомобилях, – вспомнила Наташа свою последнюю перед неприятностью мысль, – а некоторые ходят пешком, поэтому удачу им не догнать. К тому же фамилия определяет судьбу, а моя фамилия Пешкова».

Автомобиль въехал во двор небольшого офисного здания с синими стеклянными стенами. На крыльце стояли несколько молоденьких нарядно одетых девушек.

– Выходим, – приказал господин, вылезая из салона.

Девушки на крыльце стояли молча и курили. Когда к крыльцу подошла Наташа, они неодобрительно посмотрели на ее мокрые волосы и пятна на платье. И тут же уставились на господина в дорогом костюме, начали улыбаться одинаковыми улыбками, а некоторые даже взмахивать нарощенными ресницами.

– Хеллоу, хеллоу, – посыпалось со всех сторон.

– Гуд дей, – встрял чей-то севший от напряжения голос.

Спутник Наташи открыл дверь и пропустил ее перед собой. Она вошла в холл и увидела еще большую толпу девушек. И только сейчас поняла, что попала именно туда, куда и спешила этим утром, – на собеседование.

Порядок в вестибюле контролировали двое охранников, которые, завидев господина в костюме, тут же организовали коридор, по которому прошла, разумеется, и Наташа. Но возле ступеней лестницы она остановилась.

– Пойдемте, – улыбнулся ей спутник, – ведь вы же наверняка шли ко мне на собеседование.

Кабинет был просторным, светлым и шикарным. На стенах висели фотографии парусников. Господин не стал подходить к столу, а показал Наташе на кресло возле журнального столика:

– Присаживайтесь.

Сам опустился в кресло напротив и опять улыбнулся.

– Я должен как-то загладить свою вину. А потому беру вас на работу не глядя.

И тут же рассмеялся. Потому что на протяжении всего времени их знакомства только и делал, что разглядывал ее.

– Но учтите...

Господин снова стал серьезным.

– Все-таки задам вам несколько вопросов, чтобы определить место в нашем коллективе и то, чем вы будете заниматься.

– Меня зовут Наташа Пешкова, – поспешила представиться она.

– А я – Джон Кеннеди Говард Хадсон. Говард – имя моего отца, который работал в администрации президента и был очень предан ему. Когда Кеннеди застрелили, он решил назвать его именем сына. Я каким-то образом узнал об этом и тут же родился...

Мистер Хадсон весело взглянул на Наташу, очевидно предполагая, что та оценит шутку. Наташа тактично улыбнулась.

– Где вы работали прежде и кем? – спросил мистер Хадсон.

– Биржевым аналитиком в финансовой компании.

– На какой бирже?

– Товарно-сырьевой, – соврала Наташа.

– Угу, – кивнул Джон Кеннеди Хадсон, задумался и тут же спросил: – Скучно, наверное, все это: фьючерсы, опционы, контракты, быки, медведи...

– Мне нравилось, – опять соврала Наташа.

Глава фонда снова задумался. Произнес, не выходя из задумчивости:

– Well, well, well...

И начал рассматривать парусники на стенах. Тут Наташа поняла, что ей сейчас вежливо откажут.

– Как у вас с английским? – спросил мистер Хадсон.

Тогда она перешла на родной для него язык:

– Я окончила специализированную школу. Во время обучения дважды побывала в Англии. Мы жили в семьях, и проблем с общением у меня не имелось. Потом, уже учась в университете, еще раз съездила в Англию. Провела в Лондоне два месяца, исходила весь центр пешком...

– На бирже были? – пошутил мистер Хадсон.

– Хотела пойти, но туда не пускают любопытных.

– Чем занимается ваш отец?

– У него строительный бизнес.

Объяснять, что ее отец занимается ремонтом и отделкой квартир, Наташа не стала.

– Well, – снова произнес американец и перешел на русский.

– Вы говорите по-английски лучше большинства моих сотрудников. Не только русских, кстати. Но у вас очень сильный лондонский акцент, а потому в Нью-Йорке вы все равно будете иностранкой. Но меня это устраивает, я вас беру... Сейчас распоряжусь, чтобы разогнали тех девиц на входе, и приглашу сюда вице-президента фонда, в чьи обязанности входит работа с кадрами. С биржами работать, увы, вам не придется, но обязанности ваши будут не менее ответственны – вам придется заниматься финансовым анализом. Аналитический отдел у нас большой, потому что обороты нашего фонда... – Мистер Хадсон посмотрел на потолок и завершил фразу обтекаемо: – Очень большие. Испытательный срок два месяца. На этот период зарплата две тысячи долларов, а потом, если ваша работа нас будет устраивать, пять тысяч. Если будет очень устраивать, возможны хорошие премиальные.

Он снова оглядел Наташу.

– Нет, пожалуй, сейчас я никого приглашать не буду. Ступайте домой, приводите себя в порядок. А завтра с утра – милости просим. Только не ходите больше так близко к краю дороги...

Наташа не шла домой, а летела, не веря в удачу. «Так не может быть, так не может быть... – твердила она себе. – Завтра наверняка сообщат, что пришел кто-то более достойный, и мне откажут. Тогда я попрошу любую другую работу, любую должность, лишь бы взяли...»

Она вспоминала офис с мраморными полами, просторный кабинет главы фонда с фотографиями парусных яхт на волнах синих морей. Снимки были прекрасными. И люди, которые наверняка находились на тех яхтах, были счастливы, сидели в своих каютах, поглядывая в иллюминаторы на пробегающие мимо барашки изумрудных волн. Наташа вспомнила американца со странным именем Джон Кеннеди и нашла его вполне обаятельным. Подумала, что ему, вероятно, лет сорок, может быть, сорок пять, то есть он уже не молод, но выглядит просто замечательно – спортивная фигура, загар и ослепительная улыбка. Уж наверняка его жена не приходит в его кабинет и не болтает по три часа с подругами на пределе голосовых возможностей.... Интересно, а кто у него жена?

Джон Кеннеди Говард Хадсон, как выяснилось очень скоро, оказался неженатым. Любовницы у него вроде тоже не было. И служебными романами он, похоже, не увлекался. Русские сотрудники фонда называли его Джон Говардович, хотя сам мистер Хадсон просил обращаться к нему просто по имени – Джон, потому что обращение вроде «Джон Кеннеди» или «мистер Джон Кеннеди» было бы не очень уместным. Глава фонда вообще любил пошутить. Он даже знал, что некоторые работники промеж себя называют его «мистером Гадсоном», и смеялся. А иногда говорил о себе так в третьем лице. Мог, например, позвонить Наташе на мобильный вечером и сказать:

– Наташенька, завтра с утра мистер Гадсон ждет вас у себя в кабинете с отчетом о рентабельности наших пакетов акций госкорпораций.

После чего интересовался ее настроением и здоровьем родителей. Она думала, что в американских фирмах так принято, и это нравилось ей.

К тому же, после того как закончился ее испытательный срок, мистер Хадсон лично вручил ей конверт с премией. Заглянула в него, выйдя в коридор, и обнаружила внутри ровно четыре тысячи долларов, то есть стопроцентную премию. Это очень обрадовало. А затем должностной оклад ей определили не пять тысяч, а семь. Значит, через год ей удастся купить небольшую квартирку. О собственной жилплощади она давно мечтала. Конечно, оплатить ее полностью все равно не получится, придется взять кредит, но совсем небольшой, за следующий год можно будет рассчитаться и с ипотекой.

Мечта о квартире крепла, и Наташа стала уже подумывать, что, вероятно, стоило бы уже сейчас начать подыскивать варианты: премии случались часто – раз в месяц, а потом уж и к Рождеству. На новогоднем корпоративе Джон усадил Наташу рядом с собой и весь вечер ухаживал за ней, приглашал танцевать и спрашивал, как здоровье мамы и как продвигается бизнес отца...

Уже после праздников в столовой офиса за Наташин столик подсела Марина Степановна из отдела аудита. И почти сразу шепотом объявила: все уже в курсе, что мистер Гадсон положил на Наташу глаз.

– Вы так решили, потому что на корпоративе шеф уделил мне столько времени? Просто он очень внимательный! – попыталась отговориться Наташа.

– Однако со мной, например, наш мистер Гадсон не считает нужным лишний раз поздороваться.

Почему с ней надо здороваться лишний раз, аудиторша не объяснила. Зато сказала:

– Глава фонда, конечно, завидная партия, но ты очень нравишься Максиму. Так что подумай и сделай правильный выбор.

Максим Грановский был начальником Марины Степановны. Ему было тридцать пять лет, он был разведен, приветлив и выдержан. От него всегда пахло хорошим парфюмом, а ногти его были обработаны профессионально.

– Я думаю, вы заблуждаетесь по поводу Джона и Максима, – покачала головой Наташа. – Что во мне такого?

– Ладно, не прикидывайся. Ты – девка красивая, и у тебя никого нет. Скажи спасибо, что они оба – с чистыми намерениями. Максим, кстати, просил меня узнать, как ты к нему относишься. Только это между нами.

– Я отношусь к нему очень хорошо, – ответила Наташа. – Но не настолько, конечно, чтобы согласиться на служебный роман.

– Ты что, дурочка совсем? – удивилась Марина Степановна. – Какой еще служебный роман? Максим Леонидович хочет сделать тебе предложение. Не сразу, разумеется, а сначала поухаживает: в клуб тебя сводит, в театры... Как принято, так и будет. Потом ты познакомишься его со своими родителями.

– Со своими родителями я могу и вас познакомить, а вот насчет замужества...

– Ты, главное, подумай, – шепнула аудиторша. – Максим все знает про Гадсона, что тот к тебе тоже неровно дышит. Грановский – не дурак и прекрасно понимает, что в случае чего его могут попросить отсюда... Ну, если ты согласишься за него выйти, а Гадсон обидится. Но у Максима Леонидовича есть и своя собственная фирма – не такая, как этот фонд, разумеется, но очень прилично стоящая на ногах. Он там не работает, разумеется, но он единственный владелец и взял на работу хороших менеджеров. Ты подумай...

Наташа не собиралась ни о чем подобном думать. Мало ли что кому показалось? Потом, она, может быть, и хотела бы замуж, но – по любви. Конечно, и Максим Леонидович, и Джон

Говардович – люди приятные и обходительные, с ними приятно беседовать, но в качестве супруга Наташа не могла представить себе никого из них. Мужа, как ей казалось, надо в первую очередь любить, а потом уж уважать. Хотя как это совмещается, она не знала.

В ее жизни были, разумеется, мужчины – двое, за которых Наташа собиралась замуж. Первый был сокурсником и передумал жениться в самый последний момент, когда они уже направились подавать заявление. А второй – коллега по работе. Тот был женат, но с женой не жил вместе и обещал развестись, вот только постоянно находил причину не подать заявление о разводе.

Об их романе знали на службе все, поэтому Наташе пришлось уйти и устроиться в финансовую компанию Григоряна. Со своим возлюбленным она встречалась теперь только дома. Вернее, в съемной однокомнатной квартирке. Убегала с работы, носилась по магазинам и спешила туда. Прежде-то они отправлялись вдвоем. Ехали в его машине, в салоне играла музыка, текла легкая беседа о чем-то, и Наташе казалось, что она влюблена.

Ее избранник был мужественным и малоулыбчивым. Но очень скоро после перемены места работы все изменилось. Приходя в ту квартиру, она уже не заставала его там. Любимый приходил поздно, придумывал всякие нелепые оправдания, и от него пахло вином, что было самым неприятным. Однажды Наташа сказала, что не может сидеть вечерами, дожидаясь его.

– Не можешь, и не надо, – ответил Малоулыбчивый и Мужественный.

Она тут же ушла. Любимый мужчина смотрел, как она собирает вещи, не пытался ее задержать, а потом и вовсе уселся перед телевизором, на экране которого два накачанных американца дубасили друг друга. Наташа ушла тогда, уверенная, что Малоулыбчивый и Мужественный завтра же примчится за ней, попросит прощения. Но тот даже не позвонил. С тех пор она решила малоулыбчивым не доверять. Понимала прекрасно, что это полная чушь, но ничего не могла с собой поделать: опыт есть опыт, сын ошибок трудных.

Джон Кеннеди Говард Хадсон улыбался часто и ослепительно, а Грановский чаще всего молчал. Оставаясь с Наташей на не очень продолжительное время наедине, Максим Леонидович еще пытался разговаривать на разные экономические темы, а вот в присутствии других сотрудников фонда на все ее вопросы только кивал или качал головой, словно хранил какую-то огромную тайну фирмы и боялся ненароком проговориться.

Тайна у фирмы была одна – многомиллиардные обороты. И прибыль, соответственно, такая же. Большую часть прибыли иностранные владельцы уводили на Запад, а то, что оставалось, снова шло в дело. Конечно же, огромная часть средств, находившихся в обороте, принадлежала западным инвесторам, но помимо ее на счета фонда были закачены деньги различных российских бюджетных и коммерческих организаций, например пенсионных негосударственных фондов, рассчитывающих на высокий процент от своих инвестиций. А какова была прибыль самого предприятия, наверняка знали лишь несколько человек – в том числе и Грановский, разумеется.

Наташа этим вопросом интересовалась мало – знала то, что ей положено было знать, а в другие дела старалась нос не совать. Она больше думала о собственной квартире, о том, как будет обустраивать ее, какую мебель купит. Думала: «Через год я буду жить самостоятельно. Тогда у меня будет настоящая личная жизнь, и наверняка удастся познакомиться с настоящим, очень порядочным и добрым человеком. Желательно, разумеется, чтобы тот оказался молодым и красивым...»

Иногда, правда, ей звонила домой Марина Степановна с единственной целью помочь обраться.

– Ты подумай, – шептала аудиторша в трубку, – реши для себя главное и сделай правильный выбор. Никто тебя не осудит, конечно, но хватит мечтать о журавлях в небе, когда синица у тебя в кулаке. А Максим Леонидович, как ты понимаешь, даже и не синица – он далеко пойдёт. Его в минфин давно уже зовут, Грановский же предпочитает трудиться в нашем фонде...

Однажды вечером, ложась в постель, Наташа подумала: «Хорошо бы проснуться, открыть глаза и увидеть, что ты в своей собственной квартире. За это можно отдать полгода жизни. Нет, лучше никому ничего не отдавать. Просто проснуться и увидеть за огромным окном лес или парк, над которым летают птицы, а рядом красивого и обаятельного мужчину. Нет, за такое стоит отдать полгода... пожалуй, даже год жизни».

Глава 2

Ровно через год Наташа проснулась и посмотрела на Центральный парк, на желтые и красные верхушки кленов, над которыми кружила стая голубей. Дверь ее спальни стояла открытой, слышно было, как Джон негромко разговаривает с кем-то по телефону. Наташа не хотела вслушиваться, но все же до нее донеслось:

– Ты точно знаешь? Значит, все-таки Иван. Мы так и предполагали. Я всегда подозревал, что тот прекрасно владеет английским. Не случайно же он так старательно прикидывался глухим деревенским дурачком, контуженным в Чечне. Значит, нужную нам информацию русские через него все-таки получили...

Наташа поднялась, накинула на плечи халатик и подошла к окну. Небо было чистым и – чужим. Неужели все вот это – мечта многих? Мягкий ковер под ногами, интерьер спальни и мебель, стилизованные под времена Людовика Шестнадцатого... А на стене картина Ватто, вывезенная Джоном из России. Он отдал за нее восемьдесят тысяч, а по приезду показал специалистам, которые назвали аукционную цену – полтора миллиона. Но Джон не собирается ее продавать, это его подарок Наташе.

...Перед Первым мая весь коллектив собрался за накрытыми столами в столовой офиса. Три десятка человек, из которых пятеро американцы и один англичанин, имеющий еще и израильский паспорт – он занимался обеспечением безопасности предприятия. Произносились тосты и спичи. Русские пили за день международной солидарности трудящихся, американцы – за день благословения велосипедов, который в Штатах отмечают как раз первого мая, а начальник службы безопасности слушал всех внимательно, поскольку был непьющий. Мистер Хадсон опять усадил Наташу рядом с собой. Он снова ухаживал за ней – наполнял бокал шампанским и шептал комплименты. Шепот был громкий, и Грановский, сидевший через два человека от Наташи, наверняка его слова слышал. Но Максим Леонидович виду не подавал и даже улыбался руководству приветливо и скромно.

Мистер Хадсон вызвался довезти Наташу до дому. Он опустился рядом с ней на заднее сиденье. В салоне «Мерседеса» было свежо, пахло зелеными яблоками, за окном проносился в прошлое последний день апреля, из динамиков лился голос Барбары Стрейзанд.

– Love is the moment in space...

– Иван, сделай музыку погромче! – приказал Джон.

Но водитель не пошевелился.

– Он же глухой, – почему-то шепотом напомнила Наташа.

Вообще-то все в офисе знали, что новый водитель президента фонда – бывший сержant, контуженный в Чечне. Комиссованный Иван вернулся на второй курс Политехнического, но учиться уже не смог.

Прежнего водителя мистер Хадсон уволил непонятно за что. Наташе он, правда, объяснил с улыбкой, будто бы наказал его за тот случай с лужей. Но, судя по всему, причина была другая – прежний шофер был красив и элегантен.

– Мне нравится Барбара Стрейзанд, – объяснил Джон.

– Мне тоже, – призналась Наташа.

– Вообще мне по сердцу талантливые и увлеченные женщины, – продолжил мистер Хадсон. – С ними приятно общаться: они не ощущают себя униженными, не потому, что феминистки, а оттого только, что знают себе цену. И цену своего таланта, трудолюбия. Я всегда думал, что если женюсь когда-нибудь, то только на такой.

– Пока ждали, Барбара Стрейзанд уже успела состариться, – улыбнулась Наташа.

– Это так, – подтвердил Джон.

И без всякой паузы перешел на английский.

– Мне кажется... может быть... я даже уверен, что сейчас встретил такую женщину. Это вы, Наташа.

– Вы произнесли слова «может быть», – вздохнула она, – а значит, уверенности-то у вас нет.

– Нет, я уверен в этом более, чем в том, что именно Колумб открыл Америку. И вообще, все, что я знаю теперь, ничтожно мало по сравнению с ощущением того, что я впервые в жизни полюбил. Полюбил ту, о ком мечтал долгие годы. Вы не откажете, если я вам сделаю предложение?

Наташа растерялась. И смогла лишь оттянуть время:

– Мне кажется, вы таким образом уже делаете мне предложение.

– Именно, – подтвердил мистер Хадсон, – здесь и сейчас я прошу вашей руки.

Теперь до нее дошло все-таки, что происходит. После телефонного разговора с Мариной Степановной Наташа была готова ко всему: к проявлению особого внимания, к приглашению посетить ресторан или какую-нибудь вечеринку в посольстве, но чтобы так запросто, в машине...

– Я должна подумать, – произнесла она тихо, – все так неожиданно.

– Конечно, – согласился Джон, – подумайте, вспомните, как вы ко мне относитесь. Если я противен вам, то можете отказать...

– Нет, конечно... – попыталась успокоить его Наташа.

– Нет – это отказ? – выдохнул глава фонда.

– Что вы! – испугалась Наташа, видя его лицо. – Это совсем не отказ, я не собиралась вам сейчас отказывать.

– Уф... – выдохнул мистер Хадсон. И снова перешел на русский: – Вот и славненько!

Он полез в карман и достал из него небольшую коробочку.

– Целый день таскаю ее с собой. У нас так принято на помолвку...

Джон протянул коробочку Наташе. Она уже знала, что в ней лежит, хотела отказать, но – взяла. Пришлось открыть. Внутри было кольцо с крупным розовым камнем.

– Какая красота! – вырвалось невольно. Почему-то шепотом.

Подняла глаза на мистера Хадсона, а тот уже подставлял щеку для поцелуя.

Она вошла в квартиру, прошагала на кухню и увидела родителей. Мать резала колбасу для оливье, а папа крутил ручку мясорубки.

– Что такая красная? – крикнул отец.

– От шампанского, вероятно, – ответила Наташа, – мы на работе праздник отметили.

Конечно, это от шампанского, иначе Джон не застал бы ее врасплох. А теперь, когда она приняла его кольцо, вероятно, уже поздно отказываться. Хотя кто знает? И вообще, любит ли она мистера Хадсона? Понятно, что не любит. Но Джон ей не противен, даже наоборот, бывают моменты, что нравится, – когда она смотрит, как тот двигается, как при встрече с мужчинами протягивает руку для рукопожатия... это выглядит так по-мужски и так одновременно грациозно. Но если она ему откажет, вдруг никто и никогда больше не сделает ей предложения? Тогда Наташа на всю жизнь останется одна, превратится в злобную и вечно чем-то недовольную старую деву, и все будут знать, что она старая дева, и судачить на сей счет. К тому же мистер Хадсон богат. Вероятно, даже очень богат. У него в собственности треть акций фонда «Рашен райз», и, значит, его ежегодный доход сотня-другая миллионов долларов. А это уже серьезно.

Она зашла в свою комнатку и снова открыла коробочку с кольцом. Посмотрела, как переливаются в камне огоньки – отблеск потолочной люстры, и вздохнула. Замуж, конечно, хочется, но...

Наташа так и не поняла, что означает ее мысленное «но». Решила рассказать все родителям. И если они не будут отговаривать, то тогда предложение она примет.

Мама резала на кубики вареную картошку, а отец мыл мясорубку.

Наташа села за стол и спросила:

– Помощь нужна?

– Мы уже заканчиваем, – ответила мама. Посмотрела на дочь внимательно и спросила негромко: – У тебя что-то произошло?

Наташа вздохнула и призналась:

– Мне сегодня предложение сделали.

– Какое? – не поняла мама. – Повышение предлагают?

– Ее замуж позвали, – догадался отец.

Он вытирал полотенцем руки и тоже смотрел на Наташу.

– Правда, что ли? – не поверила мама.

Дочь кивнула и поставила на стол коробочку. Открыла, подвинула ближе к маме.

– Прелесть какая! – восхитилась та. – А что это за камень?

– Розовый бриллиант, три карата. На свадьбу Джон обещал подарить еще больше.

– Джон? – не поняла мама. – Он что...

– Не что, а кто, – поправил отец. – Американец, видать.

Он посмотрел на дочь.

– С тобой вместе в фонде работает?

– Да, первое лицо. А ты против того, чтобы я выходила замуж за американца?

– Мне-то что, – пожал плечами отец, – мне главное, чтобы ты была счастлива. Но лично я замуж за иностранца не пошел бы.

– А тебе никто и не предлагает, – хмыкнула мама.

– Откуда ты знаешь? Может, я с тобой не всем делюсь, чтобы не травмировать твою психику.

Но мама уже не слушала мужа, а смотрела на дочь.

– Ты-то сама как к нему? У вас уже что-то...

Она обернулась к отцу.

– Ну, что встал здесь? Иди поделай что-нибудь, нам поговорить надо.

– Да я вроде тоже не посторонний. Может, и мне интересно узнать, за кого не чужая мне дочь замуж идет.

– Ничего у нас не было, – призналась Наташа, – Джон подвозил меня до дома и в машине сделал предложение.

– В машине в самый раз, – кивнул отец. – А вот в метро или в трамвае было бы неудобно, особенно в часы пик, когда ты возле одной двери, а жених у другой. Или вообще на платформе остался без ботинка и с оторванными пуговицами.

Отец ухаживал за мамой почти три года. Та была студенткой, а он реставратором – работал в Царском Селе. Заканчивал поздно и ехал к ее дому, чтобы только увидеть. Стоял под окнами, надеясь, что она выглянет. Если это происходило, то махал рукой, садился за руль и уезжал. А будущая жена, даже зная, что ухажер внизу, не спешила выглядывать, а уж тем более спускаться во двор. И вообще, за ней ухаживали и другие. Особенно был настойчив один из сокурсников – мастер спорта по бадминтону, высокий и стройный. Парень провожал ее домой и каждый раз лез целоваться. Однажды бадминтонист столкнулся с молодым реставратором, о котором был наслышан. Уверенный в своей физической подготовке, спортсмен полез драться и – получил очень даже неплохо. Мама рассказывала Наташе, что испугалась тогда, а главное, сразу поняла, за кого так волнуется. Будущий муж уложил соперника двумя ударами, причем по лицу не бил, хотя и предупредил, что в следующий раз все будет по-настоящему. После того случая бадминтонист как-то сам собой улетучился.

Предложение отец сделал утром того дня, когда объявили о смерти Брежнева. Вся страна напряглась в испуганном ожидании – что же дальше, как жить без мудрого руководства? А отец приехал и позвонил в дверь. Будущая жена выскочила на площадку, и реставратор пригласил ее в кафе. Там было пустынно и тихо, потому что запретили исполнять в общественных местах и передавать по радио эстрадную музыку. Отец взял бутылку шампанского. Буфетчица посмотрела на него косо и, несмотря на пустой зал, шепотом попросила не радоваться громко. И сама же испугалась своих слов. Пробка вылетела из горлышка почти беззвучно, и, разливая вино по бокалам, отец сказал:

– Кончится траур, поедем подавать заявление.

Ночью мать проскользнула в комнату Наташи.

– Заснуть не могу, – объяснила она, – все думаю, что будет, если ты уедешь туда жить.

– Станем летать друг к другу в гости.

Мать вздохнула и спросила:

– Ты хоть его любишь?

– Не знаю, – солгала Наташа. – Но за семь месяцев нашего знакомства он не совершил ничего такого, что вызывало бы у меня отвращение.

– Главное, чтобы не пил. – Опять вздохнула. – А все остальное можно стерпеть.

Джон Кеннеди Говард Хадсон даже на своей свадьбе выпил всего-навсего бокал шампанского. Когда гости орали «горько!», он целовал невесту осторожно, хотя и достаточно умело. Зал ресторана, рассчитанный на две с половиной сотни человек, едва ли был заполнен на треть: коллектив фонда в полном составе, несколько подруг Наташи по институту и школе, все с мужьями, разумеется. Присутствовали и десятка полтора сотрудников американского консульства, все в почти одинаковых серых костюмах и с голубыми галстуками.

Мама улыбалась и плакала, а вот отец сидел растерянный: накануне свадьбы Джон подарил будущему тестю внедорожник «Додж». Наташа смотрела на родителей, и ей было жалко их: маме уже за пятьдесят, отец старше ее на пять лет, но что они видели в жизни? Самая большая радость за годы супружества – получение квартиры, если не считать рождения дочери. Квартира небольшая, двухкомнатная, типовая. Отец, правда, постоянно что-то делал в ней, как мог, улучшал. Например, заменил обычные створки на старинные дубовые, те были приготовлены на выброс в одном из особняков, который ремонтировала его бригада. Он отреставрировал их, и теперь это не двери, а произведение искусства. Так же как и ореховые стеновые панели. Откуда-то отец притаскивал разбитую старинную мебель и долго возился с ней – в квартире вечно стоял невыветриваемый запах морилки, лака, старого дерева. Наташа так привыкла к нему, что этот «аромат» казался ей родным и приятным.

Когда Джон пришел знакомиться с родителями невесты, по его лицу было видно, как он удивился. Мистер Хадсон посмотрел на резную раму зеркала в прихожей, потрогал бронзовые ручки дверей и произнес:

– Странный вы народ, русские. Здесь отделка стоит, как вторая квартира, причем куда больших размеров.

А Наташе казался странным сам жених. И с каждым днем сближения с ним она все больше и больше не могла понять этого человека. Правда, и близости как таковой не было. Через неделю после того, как Джон сделал ей предложение, они отправились поужинать в ресторан, где сидели за столиком на двоих в углу зала. Благоухал огромный букет алых роз, радостно потрескивали свечи в бронзовом канделябре, а скрипач весь вечер исполнял им итальянские мелодии. Наташа не сомневалась, что после ужина Джон пригласит ее к себе. Так и случилось.

Когда выходили из зала, мистер Хадсон сказал как бы между прочим:

– Сейчас заедем ко мне: посмотришь, как я устроился в России и где тебе придется жить.

Она, конечно, изобразила радость, а сама подумала: сегодня случится то, что должно рано или поздно произойти. Мысленно Наташа уже была готова ко всему и поняла, что это произойдет именно сегодня, в тот момент, когда услышала приглашение на ужин.

Жил Джон неподалеку от ресторана, в старом доме на Итальянской. Перед входом раскинулась охраняемая парковка, на которой сверкали боками дорогие автомобили. На лифте поднялись на последний этаж, где была лишь одна дверь. Хозяин пропустил ее внутрь в темноту, вошел следом и включил свет. Наташа увидела просторный холл с мягкими диванами и креслами, барную стойку, большие напольные часы в ореховом корпусе и несколько картин на стенах.

– Вот так скромненько я и живу, – прозвучал за ее спиной голос Джона. – Никакого антиквариата, если не считать часов и полотна Ватто, которое я приобрел тебе в подарок. Представляешь, старушка, владелица картины, попросила за нее всего сто тысяч, а я еще и поторговался немного. Сделку мне Максим Грановский устроил: старушка уже чуть не при смерти, какая-то подруга его бабушки.

Наташа подошла к стене. На полотне были изображены куртуазный кавалер с дамой на фоне лиственного леса. Дама полулежала на траве, подставляя кавалеру шею для поцелуя, кавалер склонился над ней, держа в руке бокал с шампанским. Неподалеку маленькая собачка лаяла на птичек, а за кустами отгоняли хвостами мух две оседланные лошади. Картина Наташе не понравилась, но все равно она сказала:

– Мне всегда был интересен Ватто, спасибо тебе, Джон, за подарок.

Она поцеловала мистера Хадсона, и тот ответил ей. Потом провел гостью по квартире, демонстрируя две спальни, гардеробную и кухню. Из бара под стойкой достал бутылку шампанского и спросил:

– Не желаешь?

Она подумала и покачала головой, посчитав, что согласие выпить Джон сочтет за оттяжку времени, за ее нежелание идти в спальню прямо сразу.

Мистер Хадсон кивнул и произнес:

– Возможно, ты права. Завтра с утра заседание совета директоров, и надо выспаться хорошенько, быть в форме. С утра следует еще раз просмотреть все документы. Кстати, я хочу, чтобы ты тоже присутствовала на совещании: будут рассматриваться вопросы, которые касаются и твоей компетенции. А потому водитель отвезет тебя сейчас домой, а утром заберет, как обычно.

На том знакомство с квартирой закончилось. Наташа возвращалась домой, не расстроенная, а несколько обескураженная – мистер Хадсон повел себя более чем странно. Но потом решила, что он так воспитан или просто хочет понравиться ей лишний раз своим благородством.

До свадьбы так ничего и не случилось. Вероятно, Джон решил отложить сие событие на брачную ночь. А потому и выпил за столом всего один бокал шампанского.

Подвыпившие гости вопили «Горько!», мистер Хадсон улыбался им. И, помогая Наташе подняться для поцелуя, шепнул ей на ухо на английском:

– Скорее бы это все закончилось.

Потом начались танцы. Первый танец, конечно, танцевали жених с невестой. И Наташа удивилась мастерству, с которым Джон кружил ее по залу.

– Ты занимался танцами? – поинтересовалась она.

– Совсем немного. Несколько уроков вальса, танго и сальсы. И то лишь для того, чтобы не сидеть сиднем на подобного рода мероприятиях.

– А мне показалось, что у тебя серьезная подготовка...

Мистер Хадсон не успел ничего ответить, потому что к его молодой жене под села ее изрядно подвыпившая школьная подруга.

– Наташка, – закричала она, пытаясь перекрыть музыку, – у тебя талия сколько сантиметров? А то я смотрю, смотрю и не могу понять. У меня такая, наверное, только в седьмом классе была. Ты вообще как рожать собираешься?

Наташа не успела ничего ответить, потому что подруга полезла уже обнимать жениха.

– Джон, ты в каком городе живешь? Санта-Барбара далеко от вас?

– Я живу в Нью-Йорке, – спокойно ответил мистер Хадсон, – а Санта-Барбара находится в Калифорнии.

– Да какая разница! – обрадовалась школьная подруга. – В Америке все близко. Дай-ка лучше я тебя поцелую... Ты такой хорошенький!

Наташа осмотрела людей за столами. Максим Грановский, Марина Степановна, Сергей Адамович Ласкер – немолодой очень тихий человек, Светлана Томина...

Начиная работу в фонде, Наташа делила с последней кабинет, и коллеги, бывало, о многом разговаривали, хотя Света больше всего на свете любила автомобили... Конечно, она любила мужа и восьмилетнего сына, но говорила чаще всего о машинах, удивляясь тому, что новая сотрудница к автотехнике равнодушна.

В конце свадебного стола сидела Таня из бухгалтерии. Ее должность в фонде была самой маленькой, и занималась она в основном мелочевкой – относил платёжки в банк, забирала выписки. Документы в налоговую или в пенсионный фонд тоже отвозила Таня. О ней Наташа не знала почти ничего, кроме того, что та мечтает о новой квартире и интересовалась, сможет ли фонд предоставить ей кредит со ставкой ниже банковской. Но заявление на субсидию так и не подала. Наверное, постеснялась или заранее посчитала, что ей откажут.

Еще совсем недавно незнакомые люди казались Наташе теперь близкими и родными, ей хотелось что-то сделать для них, чтобы все вокруг были счастливы и веселы.

Сергей Адамович сидел тихо, не танцевал, почти ничего не пил. Наташа подошла к нему и спросила:

– Вы почему один, а где ваша жена?

– Слава богу, далеко, – прозвучал странный ответ. Но затем Ласкер пояснил: – Вообще-то мы в разводе, и когда она уехала в Штаты, я наконец-то поверил в существование бога. Но бывшая супруга все равно звонит и скандалит, требуя материальной компенсации за совместную жизнь.

– Смените номер телефона, – посоветовала Наташа.

– Я так и сделаю, – согласился Сергей Адамович. И посмотрел на грустного Максима Грановского, танцующего со Светланой Томиной.

Музыка смолкла, и Наташа услышала голос Джона, который терпеливо объяснял прицепившейся к нему школьной подруге невесты:

– Вообще-то в Нью-Йорке есть где побегать. Я, например, совершаю утром пробежки в Центральном парке.

Они вошли в квартиру, заставленную букетами. От необычайно сильного аромата у Наташи слегка закружилась голова. Она сняла с головы фату, положила ее на барную стойку и опустилась в кресло.

– Дай я помогу тебе платье расстегнуть, – произнес Джон, – мне кажется, ты немного перетянулась. Кроме того, в зале было очень накурено, даже я задыхался.

Она приподнялась, и мистер Хадсон расстегнул крючочки на спине лифа. Затем продолжил:

– Если хочешь, вообще его сними.

Наташа подумала немного. Раздеваться перед чужим мужчиной было неудобно, но с другой стороны, Джон уже не чужой, а самый близкий ей человек, ближе даже, чем папа с мамой. Она вылезла из свадебного платья и снова опустилась в кресло, прикрывая грудь руками. Джон поднял платье с пола и направился в гардеробную. Вскоре появился снова, подошел и протянул ей тонкий, почти невесомый шелковый халатик.

– Вот, прикройся.

Она так и поступила. То есть не надела пеньюар на себя, а только прикрыла им грудь и живот.

– А теперь, миссис Хадсон, – заговорил Джон, – поговорим о главном. Я хочу обсудить условия брачного договора, который мы подпишем сразу по прибытии в Штаты. У тебя есть какие-нибудь пожелания?

Наташа покачала головой:

– Как скажешь, так и будет.

Джон кивнул:

– Well. Тогда слушай. При разводе, если таковой случится, тебе остается вся собственность, которая была у тебя до брака. Все деньги на твоих личных счетах тоже останутся тебе, так же, как и подарки, полученные от меня или кого-либо во время нашего совместного проживания. Так что картина Ватто уже твоя навечно, как и квартира, которую я купил на твое имя в Нью-Йорке и где мы будем с тобой жить. Ни на что другое ты претендовать после развода уже не сможешь.

– Я не собираюсь с тобой разводиться, – улыбнулась Наташа, чтобы закончить неприятный разговор.

– Теперь о другом важном моменте, – продолжил мистер Хадсон, – о сексе.

– Это тоже будет в брачном договоре?

– Нет, это мы решим с тобой сейчас. Дело в том, что ты и в самом деле мне очень симпатична, но я привык жить один и только как мне нравится. Ты красива и умна, с тобой не стыдно появиться в самом изысканном обществе. Я хочу попросить тебя только уделять мне внимание на подобных мероприятиях, улыбаться, принимать участие в беседах и соглашаться с моим мнением так, словно оно наше общее. Но у меня была личная жизнь и до тебя. Она же у меня и останется. Я буду недоволен, если ты станешь устраивать скандалы по поводу моих отлучек или того, что я иногда отключаю свои мобильные телефоны. Личная жизнь – это...

Мистер Хадсон задумался, подбирая русские слова.

– Секс на стороне? – подсказала Наташа.

– Возможно. Но не это главное. Секс – важная составляющая нашей жизни, но не основная. Есть и духовные потребности.

– Я тоже так считаю, – кивнула она. – А как же секс?...

Джон посмотрел на нее и ослепительно улыбнулся.

– Я не стану возражать, если у тебя появится кто-то. Не скажу, что мне это понравится, но если ты так решишь, то пусть будет. Попрошу только, чтобы твоя связь не выставилась напоказ и чтобы ты не меняла партнеров очень часто.

– Мне не нужны партнеры на стороне. Для этого не надо выходить замуж. Или ты думаешь, что я говорила тебе о любви, а сама стреляла глазами, чтобы высмотреть того, с кем можно переспать?

– Я так не думаю. Однако в жизни может случиться всякое. И, как я уже сказал, возражений с моей стороны не будет. Так же как и с твоей, я надеюсь...

Только сейчас Наташа начала догадываться. Но то, что пришло в голову, нагнало краску на ее щеки. А потому она поинтересовалась крайне осторожно:

– Прости, Джон, а ты случайно не... То есть ты – гей?

Мистер Хадсон улыбнулся застенчиво.

– Не совсем. Для меня возможна близость и с женщинами, но с мужчинами мне нравится больше. Но я не меняю своих партнеров очень часто, и мне приходится это скрывать.

– Поэтому ты и женился на мне?

– Отчасти – да. Но ведь ты и в самом деле украсишь жизнь любого мужчины. Даже гея.

Джон вдруг рассмеялся с видимым облегчением. Вероятно, оттого, что признался, а ничего не изменилось. Нет ни удивленных причитаний молодой жены, ни истерики, ни слез. Он смеялся как-то по-детски, потряхивая головой, почти до слез.

А Наташе было не до смеха.

Мистер Хадсон смахнул слезинки и, пытаясь подавить новый приступ веселья, произнес:

– Признайся, подобный брак – мечта многих женщин. Ваши звезды эстрады живут точно так же.

– Я не умею петь, – попыталась отговориться Наташа.

– Так и они тоже не умеют петь, – ответил мистер Хадсон и засмеялся еще громче.

Ночь провели каждый в своей спальне.

Наташа долго не могла заснуть, лежала и думала о том, что ничего в ее жизни не изменилось. Точнее, изменилось все: теперь жизнь у нее будет другая – богатая, сытая. Вместо Наташи Пешковой появится, вернее уже появилась, уважаемая миссис Хадсон, самодостаточная и уверенная в себе дама. Хотя насколько она будет уверенной в себе, еще непонятно, потому что ничего не изменилось и Наташа осталась такой же одинокой, как и была прежде, в годы работы в карманной корпорации Марата Артуровича Григоряна.

Глава 3

Через три дня после свадьбы супруги отправились в свадебное путешествие.

Джон сам выбрал место для отдыха, хотя видимость совместно принятого решения создал.

– Ты куда хочешь поехать? – спросил он свою невесту, вызвав ее в свой кабинет еще в мае до свадьбы.

На самом деле Наташа думала тогда о том, стоит ли ей вообще становиться миссис Хадсон, и потому лишь пожала плечами.

– Я полагаюсь на твой выбор.

– Well. Тогда Мексику отвергаем: когда будем жить в Штатах, посетим и Акапулько, и Веракрус, родину ламбады. На Карибах тоже побываем в любой момент. Можно сейчас отправиться в Европу: в Италию или в Париж, но там народу много и суета. А нам ведь хочется побыть вдвоем.

Напомним, разговор происходил в мае, и Наташа, еще ничего не зная о сексуальной ориентации будущего мужа, кивнула.

– Я люблю океан и яхты, – размышлял Джон, – а потому предлагаю или французскую Полинезию, или Сейшелы. Можно на Мадагаскар полететь, там прекрасная рыбалка. Правда, сервис слабоват.

– А если взять яхту и провести все время в море, заходя в разные страны? – предложила Наташа.

– О-о! – удивился мистер Хадсон. – Как же мне самому не пришло это в голову? Арендуем комфортабельное судно вместе с экипажем и забот знать не будем.

Яхту Джону предложил российский олигарх, постоянно проживающий в Лондоне. Судно стояло в Саутгемптоне, но в Лондон заехать все равно пришлось. Двое суток молодожены провели в загородной резиденции магната. Мистер Хадсон вел с ним какие-то переговоры, потом хозяин предложил гостям поиграть в гольф.

Мужчины не спеша бродили по полю от лунки к лунке, продолжая беседовать о делах. Наташа плелась следом. Потом ей тоже предложили сделать удар. С третьей попытки она попала по мячу, который полетел почему-то почти над землей и в сторону, угодив в низ живота телохранителю, стоявшему поодаль и державшему на плече мешок с клюшками. Мощной компрессии секьюрити рухнул как подкошенный.

Олигарх подошел к нему и с сочувствием поинтересовался:

– Что, Вася, небось не догадывался даже, где смерть свою примешь?

– У-у... – хрипел скорчившийся на земле могучий человек. – А я ведь о сыне мечтал...

– Другзя тебя не покинут, – утешил его босс, – помогут, ежели что.

Яхта оказалась огромной, с двумя палубами. Апартаменты, в которых предстояло путешествовать чете Хадсон, располагались на первом уровне: просторный холл с бильярдным столом (хотя как играть в море на бильярде?) и две спальни, при каждой из которых имелась своя туалетная комната с огромной ванной-джакузи. Прежде Наташа никогда не выходила в море, но много слышала о морской болезни, а потому побаивалась немного. Однако когда яхта отчалила, даже не заметила этого. Случайно выглянула в окошко – и увидела ускользающие огни Саутгемптона. Она поспешила на верхнюю палубу и расположилась в шезлонге. Ветер был промозглым и влажным, за кораблем летели чайки и кричали. Подошел вышколенный стюард, укрыв ее пледом.

– Вам что-нибудь принести, миссис Хадсон?

Наташа попросила дайкири, и вскоре к ее шезлонгу подкатили столик, на котором в вырезанном в столешнице углублении стоял стакан с коктейлем. Еще там было блюдо с фруктами и несколько бутербродов с черной икрой. Она смотрела на садящееся в море солнце, на исчезающий в сумрачной дымке берег, на чаек, на волны и как-то незаметно для себя заснула.

Почему-то увидела себя дома. Отец наносил тонировку на очередную принесенную им дверь, мама пыталась разрезать на кубики плод маракуйи, не знала, как это сделать, и очень переживала. Наташа тоже не находила себе места – вдруг выяснилось, что, несмотря на полученный пять лет назад диплом, у нее оказался не сданным экзамен по статистике, и теперь надо бежать в университет, чтобы успеть до обеда, иначе она будет уволена из фонда «Рашен райз» специальным постановлением правительства, начавшего борьбу с коррупцией, в связи с чем пострадает мистер Хадсон, принявший ее на работу и не проверивший ее знание статистики. Наташа понимала, что совершенно не готова к экзамену, а времени на то, чтобы успеть выучить ответы на вопросы хотя бы двух билетов, уже не оставалось.

Она подошла к окну и посмотрела вниз. Во дворе стоял высокий человек и, подняв голову вверх, смотрел прямо на нее. Смотрел и улыбался. Наташа отпрянула от окна и ощутила, как сильно забилося сердце. Осторожно выглянула из-за шторы и снова посмотрела вниз. Незнакомец казался молодым и счастливым. Он улыбнулся Наташе и помахал ей рукой...

– Мама, мне срочно надо бежать! – закричала Наташа. – Где мои новые сапоги и костюм, что я из Лондона привезла?

Почему ей понадобился именно тот костюмчик? Давно ведь вышел из моды и спрятан где-то вместе со старыми вещами, которые не нужны, но выбросить которые жалко.

– Мама... – прошептала она, понимая, что вот-вот расплчется, потому что время летело мимо стремительно, и человек, стоящий под ее окнами, мог не дожидаться ее и уйти.

Внезапно из родительской комнаты вышел Джон в белых морских шортах.

– Ты не забыла, что тебя ждут на сенатской комиссии? – поинтересовался он, проходя мимо.

– Отстаньте от меня все! Не замечаете разве, как мне плохо? – снова закричала Наташа и швырнула в мистера Хадсона маракуйей.

От звука собственного голоса очнувшись, открыла глаза и увидела светлое предрассветное небо над огромным покачивающимся в невесомости морским простором. Потрогала свое лицо и ощутила влагу. Неужели плакала во сне? Хотя нет, это просто морская пыль.

Наташа попыталась подняться, но не смогла опереться на затекшие ноги. Два пледа, которыми она была укрыта, почти полностью сползли на палубу.

– Доброе утро, миссис Хадсон, – произнес незаметно подошедший стюард. – Вам подать что-нибудь или вы предпочтете позавтракать в салоне?

Она спустилась в свою каюту, постояла перед зеркалом, приводя в порядок лицо и прическу. Потом переоделась и отправилась в салон. Там уже завтракал Джон.

– Шесть утра, – объявил он. – Ты всю ночь проспала на палубе. Понравилось?

– Давно так не отдыхала, – призналась Наташа.

– Ты полюбишь море, я уверен. А я поднялся пораньше, чтобы попытаться поймать что-нибудь, – показал Джон на лежащий у стены спиннинг. – На тунца или марлина не рассчитываю, но сельдевую акулу, надеюсь, продемонстрирую тебе сегодня.

Акулу мистер Хадсон выловил только через двое суток, когда уже вошли в Средиземное море. Это был полутораметровый катран. Рыбина лежала на корме и время от времени пыталась развернуться в сторону борта, дергала хвостом и открывала пасть со множеством зубов. На всякий случай Наташа отошла подальше. Джон стоял довольный собой и даже попросил сфотографировать его с добычей.

– Что ты собираешься с ней делать? – спросила Наташа, отступая еще на шаг.

– Отпущу, может быть, – отозвался супруг. – Кстати, на Мадагаскаре пойманным акулам засовывают в пасть морского ежа и только потом отпускают. Акулы умирают в страшных мучениях.

– Ужас! – возмутилась Наташа.

– Странно это слышать от русской женщины, – рассмеялся Джон. – Твои соотечественники готовы делать то же самое с акулами капитализма, и никто из вас жалости к ним не проявит.

Она не стала спорить, повернулась и направилась к трапу, чтобы подняться на верхнюю палубу и удобно устроится в облюбованном шезлонге...

Две недели они провели в море, заходя в порты Барселоны, Ниццы, Монако, Афин, Александрии. Выходили на берег и осматривали достопримечательности. В Монако пять часов провели в казино, где Джон выиграл почти шесть тысяч евро и очень радовался своему успеху.

– На обратном пути заедем сюда еще раз, – сказал он. – Что такое шесть тысяч? Ни то ни се!

Странно это было слышать от человека, зарабатывающего за день в сто раз больше.

Когда покинули Александрию, Джон приказал капитану идти на Крит. Наташа теперь каждую ночь проводила в своей каюте, не рискуя больше ночевать на палубе, потому что, по уверениям Джона, так можно легко простудиться. Муж постучал в дверь и предупредил, что уже позавтракал и отправляется ловить рыбу.

– Обедать будем на Крите, – сказал он.

Наташа стояла под душем, когда ее качнуло: очевидно, судно делало разворот. А вернувшись в каюту, не увидела за окошком солнца – яхта следовала в обратном направлении.

В коридоре она встретила встревоженного Джона и спросила:

– Мы возвращаемся в Египет? Что-то произошло? Какая-то неприятность?

Муж кивнул.

– Надо срочно лететь в Штаты. Два билета на рейс Александрия – Нью-Йорк уже заказаны.

– Так что случилось?

– На наш офис в Петербурге совершено нападение. Ворвались полиция и налоговая служба. Забрали уставные документы и всю банковскую документацию. Все сотрудники, являющиеся российскими гражданами, арестованы. Вернее, как объяснил мне по телефону адвокат, задержаны на двое суток до предъявления им обвинения или принятия решения о мере пресечения. Задержали всех, ты можешь это понять? Мужчин, женщин. Отпустили только двух работниц столовой. Даже моего водителя увели. Что им надо от глухого парня, который здоровье на войне потерял? Так что нам, то есть тебе, повезло. Ты оказалась далеко и теперь им не по зубам. Вернемся в Штаты, сразу подадим заявление на получение гражданства – в отношении тебя решение будет принято по ускоренной процедуре.

– Что еще сообщил адвокат?

– Сказал, что против руководства фондом выдвинуто обвинение по нескольким статьям: уклонение от уплаты налогов, вывоз за рубеж средств, полученных незаконным путем, отмывание денег, коммерческий подкуп... Бред какой-то!

Наташа вернулась в каюту и позвонила маме. Чтобы не беспокоить ее, стала рассказывать о путешествии. Мама слушала и восхищалась.

– Надо же, как тебе повезло! А вот я всю жизнь мечтала другие страны посмотреть, но пока дальше огорода на даче никуда выбраться не удалось.

Они разговаривали с полчаса. Наташа не стала ничего выяснять: если бы что-то случилось дома, мама сообщила бы сразу. Потом сидела в каюте, ожидая швартовки, подниматься на

верхнюю палубу не хотелось. Подумала о задержанных сотрудниках фонда, и ей стало совсем грустно.

Она проснулась и посмотрела на окно, за которым виднелись верхушки кленов Центрального парка. Сквозь тройное остекление шум Нью-Йорка не мог пробиться в апартаменты. Джон продолжал разговаривать по телефону.

– Их всех держат под замком уже более двух недель, отпустили только Ивана. А к остальным не допускают даже адвокатов. Я рассчитываю подключить прессу, дать интервью телеканалу... Хотя ты прав, сам ничего говорить не буду. Пусть выступит Наташа – у нее такое невинное лицо, что никто не усомнится в правдивости и справедливости ее слов... Надо договориться о вопросах, которые ей зададут на пресс-конференции, и согласовать ответы. Главное, чтобы она не сбилась... Но в этом-то я не сомневаюсь. С головой у нее все в порядке.

Наташа вышла из комнаты. Джон, увидев жену, тут же закончил разговор, сказав напоследок собеседнику:

– Через два часа увидимся и поговорим.

Наташа подошла и поцеловала мужа в щеку.

– Какие у нас планы на сегодня?

– У меня назначено несколько встреч. Потом хочу договориться с прессой и запустить кампанию в поддержку фонда и людей, подвергнутых репрессиям. Пусть все знают, что вина сотрудников фирмы только в том, что они хотели способствовать экономическому подъему России.

– Что от меня требуется?

Джон задумался.

– В этот уикенд... Нет, лучше в следующий я хочу провести вечеринку в нашем загородном доме. Пригласим туда конгрессменов, политиков, журналистов, кого-нибудь из кинозвезд, популярных в России. Ты будешь хозяйкой вечера и расскажешь всем правду о людях, страдающих сейчас под игом тирании.

Марина Степановна еще раз глубоко вздохнула, пытаясь утихомирить бешено стучащее сердце. Еще несколько минут назад ей казалось, что за воротами следственного изолятора будет спокойнее и проще, но этого не случилось. Воздух свободы был перенасыщен выхлопными газами и смрадом. Мимо проносились автомобили и автобусы, проходили люди, не обращая на нее внимания. Она поглядела по сторонам – и не увидела никого из знакомых. Да, глупо было предполагать, что кто-то узнает о том, что ей изменили меру пресечения, и придет встречать. Скорее наоборот, те немногие знакомые, проведая, что она находится под следствием, притихнут: не будет ни звонков, ни визитов для выражения поддержки, ни слов с пожеланием того, чтобы все закончилось как можно быстрее и благополучно для нее. Марина Степановна согласилась сотрудничать со следствием и рассказала все, что знала, а также то, чего не могла знать наверняка, о чем только догадывалась. Следователь обещал отпустить под подписку и не обманул. А еще сказал, что суд учтет ее раскаяние, сотрудничество со следствием и то, что она хотя и является участником преступной группы, все же лишь рядовой исполнитель чужих приказов...

Кабинет, в котором ее допрашивали, был тесным. Выкрашенные в серый цвет стены и узкое окошко высоко под потолком не вселяли уверенности и оптимизма.

Следователь вышел из-за стола и почесал за ухом. Брюки у него оказались мятыми, словно мужчина спал, не снимая их. Марина Степановна подумала об этом и почувствовала, что ей безумно хочется расхохотаться, и очень удивилась, потому что вообще-то ей было не смешно, а страшно. Но челюсть уже начала трястись, и Марина Степановна схватила себя за подбородок.

– Что-то еще хотите добавить? – спросил следователь мягко.

Она потрясла головой, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Марина Степановна сжала зубы, а те застучали, к тому же затряслась нога, и это было тоже смешно.

– Вы определенно что-то хотите...

– У меня дочь – инвалид первой группы, – прошептала Марина Степановна, – если со мной что-то... она...

Произнеся эти слова, женщина почувствовала, что уже не в состоянии сдерживаться. И вдруг из глаз брызнули слезы.

– А-а... – простонала она. И закричала громко: – А-а-а-а!

Затем зарыдала так, как никогда в жизни. Ее била дрожь, а из глаз летели во все стороны крупные слезы.

– Вы... вы... не... не понимаете, что если... если со мной что-то произойдет... то дочка просто умрет. Она даже пошеве... пошевелиться не... не может. У нее позвоночник сломан... она восемь лет парали...

Марина Степановна закрыла ладонями лицо и, чтобы остановить слезы, кусала свои ладони. Ей только сейчас стало по-настоящему страшно. То есть страшно было уже две недели, с тех пор, как ее впихнули в камеру. Она боялась сидеть, стоять, лежать, смотреть по сторонам и даже дышать, но в душе еще теплилась надежда. А сейчас, почему-то именно сейчас, когда следователь сказал, что ее выпустят, она, вместо того чтобы обрадоваться, испугалась до смерти...

– Помогите дочке, – прошептала Марина Степановна и упала перед следователем на колени.

Тот отступил на шаг, наклонился над столом. Вероятно, нажал кнопку переговорного устройства и произнес нервно:

– Врача в допросную, у подследственной истерика.

Потом ее отвели обратно в камеру, но Марине Степановне уже было все равно. Принесли обед – она осталась лежать. А когда открылась дверь и толстая женщина в форме, инспектор по режиму, приказала ей выйти, послушалась, не понимая, куда и зачем ее уводят. А теперь стояла на краю тротуара, смотрела на проносившиеся мимо машины и вдруг произнесла вслух то, о чем не думала даже:

– Один шаг, и все.

Марина Степановна подняла руку, посмотрела на запекшиеся следы собственных укусов на ладони, и у нее перехватило горло: опять не стало воздуха для дыхания. Рядом остановился автомобиль.

– Вам куда? – крикнул водитель через опущенное стекло.

Молча открыв дверцу, Марина Степановна рухнула на переднее сиденье.

– Подальше отсюда.

Шофер глянул на высокие кирпичные стены тюрьмы и кивнул:

– Понятно.

Неву переезжали долго – на мосту выстроилась пробка. Машины стояли вплотную, прижавшись боками так тесно, что невозможно было приоткрыть дверь. Марина Степановна смотрела на серую поверхность воды, в которой блестело отраженное оранжевое солнце. «Как было бы просто, – подумалось вдруг, – перелезть через перила и прыгнуть, все сразу будет кончено». И она испугалась этих своих мыслей. Зачем ей умирать? Почему сознание толкает ее на гибель? Ведь все и так кончилось! Теперь надо жить только ради Лизоньки. Деньги есть, можно нанять хорошего, пусть дорогого, адвоката, отдать ему столько, сколько потребует. Возможно, дадут условный срок. А потом можно будет найти работу, пусть не такую денежную, как в проклятом фонде, но спокойную. Домой, домой, домой! Соседка ведь не может быть возле Лизы постоянно...

Остановились на улице, Марина Степановна не стала просить водителя въезжать во двор, решив хоть пару десятков метров пройти пешком. Рассчиталась, не торгуясь, и вышла. Обогнула угол здания, увидела двор, в который никогда не попадало солнце, ускорила шаги. До крыльца оставалось несколько шагов, когда она... не услышала, а скорее ощутила: опасность дыхла ей в спину. Марина Степановна хотела обернуться и тут почувствовала, как чья-то рука рванула ремень сумочки, переброшенный через плечо. Инстинктивно вцепилась в этот ремешок, и ее развернули на месте.

Совсем близко стояли двое парней с холодными глазами.

– Отдай сумку, тетка, – шепнул один.

От него пахло одеколоном, его щеки были гладко выбриты. «Неужели грабитель? – пронеслась мысль. – Совсем не похож».

– Не отдам, – прошептала она, – там все равно ничего нет.

– Воля твоя, – ответил парень. Бросил быстрый взгляд по сторонам. – Чисто.

Второй отдернул рукав куртки. Марина Степановна опустила глаза и увидела в его руке лезвие. Она не успела ничего сказать, крикнуть или позвать на помощь – резкая боль пронзила сердце. Ноги обмякли, и мгновенно приблизился асфальт. Ударилась о землю щекой и даже не почувствовала удара. Последнее, что она увидела: падающая перед ее лицом и рассыпающаяся косметика, мелочь, ключи от дома, мобильный телефон – все, что было, то и вывалилось из перевернутой сумочки. От удара об асфальт крышка мобильного отскочила и улетела куда-то туда, где еще дышал сумерками осенний вечер. А Марина Степановна провалилась в ночь.

Глава 4

Наташа не слышала прежде, что у Джона есть загородный дом. Правда, он назвал его «нашим домом», но интересно, почему не вспоминал о нем раньше? Вечером решили съездить туда. Джон сам сел за руль, и Наташа удивилась тому, как муж классно водит машину.

– Год назад я купил участок земли возле Асберри-Парка. Прямо на берегу океана. Заказал проект благоустройства. Дом достроили пару месяцев назад, мне прислали видео и фотографии, мебель и бытовая техника уже стоят там, где и должны. А на территории до сих пор возятся, хотя там всего четыре акра... и требуется всего-навсего проложить дорожки, поставить фонари, оборудовать бассейн, привезти песок для пляжа. Ах да, еще надо взрослые пальмы посадить.

– Пальмы? – изумилась Наташа. – Разве они тут растут?

– Если очень захотеть, – улыбнулся Джон. – Вообще-то Нью-Йорк расположен на широте Стамбула, но зимы здесь, конечно, похолоднее, поэтому необходимо устроить дренаж, проложить под землей трубы с горячей водой. Но ты же понимаешь, как работают мексиканцы: пока за ними наблюдаешь, как-то копошатся, а стоит отвернуться – стройка замирает. Когда мы прилетели, я позвонил и предупредил, что через пару часов подъеду принимать работу. Конечно, никуда я не собирался, но они поверили. Вечером перезвонили и сообщили, что теннисный корт готов.

Джон, конечно, разыграл ее. А может, и сам не знал, что все благоустройство территории почти закончено: и мощенные плиткой дорожки, и чугунные фонари, и бассейн с изумрудной водой и подсветкой. Даже пальмы уже качали своими длинными широкими листьями. Несколько загорелых до черноты парней в выцветших майках стояли на высокой ограде, сложенной из речного булыжника, и устанавливали на ней металлическую решетку с остроконечными прутьями.

Мистер Хадсон вышел из машины. Мексиканцы тут же ускорили темп движений.

Джон проверил, как открываются и закрываются створки ворот. Рабочие заметили, что хозяин не наблюдает за ними, и присели на корточки.

– Буэнос диас, амигос. Квандо акабен эль трабахо? – не оборачиваясь к ним, произнес мистер Хадсон.

– Работа да. Мы завтра твоя забора сделать, – на языке, слегка напоминающем английский, ответил один из парней.

Джон направился к дому. Наташа, взяв его под руку, шла рядом, чувствуя спиной, что ее поедают глазами размякшие от жары мексиканцы. Джон открыл дверь, пропуская внутрь жену. Та вошла, посмотрела вокруг и обомлела от открывшегося взору простора. Пол огромного зала был выложен белой и черной мраморной плиткой, посередине его низкий фонтан с классической девушкой, разбившей кувшин. Тут и там стояли пальмы в кадках, белые кожаные диваны и кресла, а к одной из стен был придвинут белый же рояль. Наташа подошла, подняла крышку и пробежалась по клавишам. Потом обернулась к мужу, который смотрел на нее пораженный.

– Где-то так...

– Что это было? – удивился мистер Хадсон. – «Караван»? С ума сойти, русская женщина запросто играет Эллингтона.

Он подошел и плюхнулся в кресло. Вытянул ноги и повторил:

– С ума сойти! Кому и рассказать, никто не поверит.

А Наташа была поражена домом.

– Во сколько тебе все это обошлось? – обвела она рукой пространство.

– Надо подсчитать, – ответил мистер Хадсон. – За землю, за дом, за мебель, за бассейн и благоустройство территории я платил разным фирмам. Всего около семи миллионов. Может, чуть больше.

Он резко поднялся.

– Пойдем осмотрим весь дом. Я и сам здесь впервые.

Более получаса они ходили по комнатам и даже спустились в подвал, где был оборудован винный погреб с пока еще пустыми полочками для бутылок. Мистер Хадсон осматривал все очень внимательно, словно искал, к чему можно придраться. Но придраться было не к чему. Наташа тоже с интересом смотрела вокруг себя, трогала обивку мебели, садилась на диваны, заглянула даже в огромный двухстворчатый холодильник с зеркальными дверцами, оказавшийся, естественно, пустым. Также проверила выключатели. Свет загорался, но насколько ярко, было невозможно понять: за окнами сиял день. Потом она вышла на балкон комнаты, которая, по уверению Джона, предназначалась для нее. Стояла и смотрела на большой квадрат белого песка на берегу – домашний пляж, на бассейн, в котором купалось солнце, на океан, на белые барашки волн и на чаек, качающихся на воде... Глянув вниз через перила, Наташа увидела Джона, разговаривающего по телефону. И вдруг подумала – кто он ей? Конечно же, муж. Но ведь не в полном смысле этого слова. Тогда кто? Она его не любит. Уважает? Возможно. Они прекрасно ладят, легко сходятся во мнениях, но лишь потому, что не в ее привычках возражать старшим, а мистер Хадсон старше на шестнадцать лет. Другьями их назвать тоже сложно, ведь у друзей не должно быть тайн друг от друга, а она знает не много о нем. Разве что его главную тайну. Но здесь это не считается пороком. Джон мало говорит с ней о своих делах, и даже о нынешнем положении дел в фонде Наташа знает только с его слов: счета арестованы, люди задержаны... Ужасно, конечно, но глава фирмы пытается помочь сотрудникам. Она тоже готова, вот только что делать, не ведаёт... Остается только слушать мужа и действовать с ним заодно, значит, они единомышленники, а это, пожалуй, больше, чем дружба.

Наташа спустилась вниз, вышла на крыльцо. К ней подошел Джон, обнял ее за плечи и предложил:

– Давай переночуем здесь. Надо же обживать наш дом. А потом ты, если, конечно, есть желание, останешься здесь. У меня дела в Нью-Йорке, а тратить на дорогу по три-четыре часа ежедневно что-то не хочется. Но если ты...

– Я останусь, – кивнула она. – Но только и мне хочется работать. Скажи, что надо сделать, чтобы помочь фонду и людям?

– Поговорим чуть позже.

Джон посмотрел на океан, продолжая держать руку на плечах жены. Потом привлек Наташу к себе и поцеловал.

– Вчера вечером из тюрьмы выпустили Марину Степановну...

– Это же здорово! – обрадовалась Наташа. – Это уже маленькая победа...

– Не совсем, – вздохнул мистер Хадсон. – На нее напали возле дома. Забрали все деньги, вырвали сережки из ушей...

Он перевел дух и совсем тихо произнес:

– Ее убили.

Теперь Наташа жила в новом доме. Жила не одна, если считать приходящую горничную, которую нанял Джон, и постоянного охранника, который переехал сюда на пару недель, пока не подключат сигнализацию. На территории еще работали несколько мексиканцев, непонятно что делающих, так что одинокой себя Наташа не должна была чувствовать. Иногда по вечерам приезжал Джон и обычно с гостем – то с другом по Колумбийскому университету, то с конгрессменом от штата Северная Каролина, то с телевизионным оператором и корреспондентом канала «Америка тудей». Последние взяли у Наташи полутораминутное интервью, и она про-

изнесла перед камерой текст, составленный Джоном, – в утреннем выпуске деловых новостей должны были показать сюжет об инвестиционном фонде «Рашен райз».

Во время съемки Наташа стояла на крыльце, за ее спиной набегали на берег волны. Она показывала рукой на Атлантику и говорила:

– Там, за океаном, Европа, за ней Россия – такая далекая и такая близкая для меня, потому что там остались мои друзья и коллеги, которые хотели сделать Россию процветающей. Но теперь они в тюрьмах по сфабрикованному обвинению. В тюрьмах сидят люди, которые большую часть своих доходов отдавали на благотворительность: на лечение тяжело больных людей, на поддержку ветеранов и беспомощных инвалидов, которых российское правительство обрекло на голод и нищету... В чем вина этих людей? В том, что они не хотели делиться своими доходами с наглыми зажавшимися чиновниками? В том, что не давали взятки, не делали дорогих подарков власти имущим, не покупали коррупционерам дорогие машины и не заказывали вечеринок?

И все в таком духе.

В прессе уже появлялись сообщения о том, что случилось в фонде. Говорилось даже, что годовой оборот фонда был сопоставим с оборотом крупной корпорации, что фонд располагал собственными активами почти на двадцать миллиардов долларов, и это были деньги частных инвесторов: американских, европейских, арабских и китайских. Но в основном, конечно, инвесторы были из Штатов. А потому следовало ожидать реакцию не только прессы.

Джон подчеркивал: для слушания в конгрессе надо, чтобы о фонде знали все, чтобы его название – «Рашен райз» – было у всех на слуху и на устах. Вот почему он решил организовать деловую вечеринку у себя дома, на которой Наташа всех очарует. А если его жена еще и скажет несколько добрых слов о своих друзьях, оставшихся в России, то цель наверняка будет достигнута.

– Сыграешь им «Караван»? – спросил мистер Хадсон. – Все удивятся не меньше меня. Если бы ты еще умела петь...

Надо же, вспомнил старый разговор. Значит, он никогда не говорил ничего просто так.

– Если бы ты могла спеть... – повторил Джон. – Песня сближает людей.

– Хорошая песня сближает, – уточнила Наташа и посмотрела на мужа. – Если ты считаешь, что нужно сплясать, то я и это сделаю, лишь бы помочь нашим. Хочешь, чтобы я спела?

– А ты можешь?

– Немного.

– Well, – кивнул Джон. – Тогда завтра же я привезу русский оркестр. С балалайками, гитарами. Ты порепетируешь с ними. Выберите что-нибудь русское, но известное американцам. Две-три песни, больше не надо. Одна в начале вечера и парочка перед окончанием...

Он замолчал и посмотрел на нее.

– Хочешь проверить, не опозорюсь ли я? – поинтересовалась Наташа.

– То есть нет. Я в тебе не сомневаюсь, разумеется... То есть не сомневаюсь в твоих способностях, но лучше бы...

Она встала, направилась к роялю и услышала за спиной:

– Ты буквально читаешь мои мысли, прямо мурашки по коже.

Наташа села, положила руки на клавиши, бросила взгляд на направляющегося к ней мужа.

– Что-нибудь русское, говоришь?

Увидела отвисшую челюсть Джона, и ей захотелось расхохотаться. Но она продолжала, улыбаясь и боясь сбиться:

«Две гитары, зазвенев, радостно заныли.

С детства памятный напев, друг мой, это ты ли?

Эх, раз, еще раз... Еще много, много раз...»

Джон хлопнул в ладоши и закричал:

«Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная.
Вся душа полна тобой, а ночь такая лунная...
Эх, раз, еще раз...»

– Еще много, много раз! Это то, что надо! Американцы знают эту песню, Дина Дурбин ее пела... Фильм назывался «Сестра его дворецкого» – классика американского кинематографа.

Он перестал подпрыгивать и устался на Наташу.

– У тебя, оказывается, столько талантов! Мне все больше кажется, что я контрабандно вывез за рубеж ваш золотой запас – самую лучшую девушку России... Тогда, может, не две-три песни, а больше? Хотя нет, больше не надо, потому что тогда люди забудут, для чего их пригласили... И потом, хозяйка не должна развлекать гостей песенками, для этого есть специальные люди. Короче, до вечеринки я знакомлю тебя со своими друзьями и ближайшими знакомыми, чтобы и они прониклись к тебе, а все остальные понимали, что ты здесь не чужая, а равная в избранном обществе. А aby кого... Я правильно говорю? «Аby» – странное слово. Aby кого я в дом не приглашу, но ты будешь первая среди равных.

В тот же вечер мексиканцы начали оборудовать площадку под гостевую парковку.

Утром по телевидению прошел сюжет, в котором Наташа показывает рукой на Атлантический океан, и ветер развеивает ее волосы. Оператор постарался – получилось очень красиво.

Ночью супруги расположились в столовой. Непьющий Джон достал бутылку виски и лед, предложил:

– Давай по чуть-чуть... За здоровье и спокойствие людей, которым сейчас тяжело, а заодно за упокой души Марины Степановны.

Оставаясь наедине, они всегда говорили только по-русски, и Наташа всякий раз поражалась, насколько хорошо мистер Хадсон знает ее родной язык. Иногда ей даже приходила в голову мысль, что Джон специально готовится к каждому разговору, потому что неожиданно в его речи проскакивали словечки, которых он не употреблял ранее. Это могло значить только одно: муж втайне от нее изучает русский язык или общается с его носителями, причем общается постоянно и подолгу. Где Джон пропадает целыми днями, она не спрашивала. Если говорит, что у него дела, значит, так и есть на самом деле. Но насколько ей было известно, офиса у него не имелось, и в состав директоров какого-либо предприятия он не входил. Фонд «Рашен райз» был очень крупным и единственным его проектом. Причем, по уверению Джона, проектом не закрытым, а лишь приостановленным на какое-то время.

– Все образуется, – произнес он, после того как плеснул на доньшко двух стаканов немного виски и присыпал его кубиками льда, – все будет, как и прежде, даже лучше, потому что уже сейчас о нашем фонде знает весь мир. Это лучше всякой рекламы.

– Лучше бы подобной рекламы не было вовсе, – заметила Наташа.

– Согласен, но что есть, то есть. Однако надо уметь из дерьма сделать конфетку.

– И накормить ею своих врагов, – дополнила Наташа.

– Именно. Я не сомневаюсь, так и получится. Лучшие адвокаты России работают на нас. А ты знаешь, как выносятся судебные решения, кстати, не только у вас, – адвокаты договариваются с судьями. Правда, если есть давление со стороны правительства, сделать это весьма сложно, но тут вопрос только о размере предложенных сумм. В нашем же случае за будущим процессом будет наблюдать весь мир, который уже убежден: дело сфабриковано, чтобы отобрать у инвесторов их деньги, то есть ни много ни мало двадцать миллиардов долларов. Представим, что мы проиграли процесс и потеряли вверенные нам средства. Кто тогда будет

вкладывать деньги в Россию? Какой дурак осмелится? Индекс инвестиционной привлекательности России будет понижен всеми рейтинговыми агентствами, начнется отток капитала, стагнация и падение экономики, причем значительное. Российские правители идиоты, конечно, но они поймут, отчего это происходит, попытаются все исправить, но – будет уже невозможно. Любое дело, как здание, можно разрушить за секунду, а построить за секунду нельзя... А потому дело спустят на тормозах. Да, потери нашего фонда будут огромными, но не смертельными, зато рейтинг фонда поднимется выше, чем у любого известного торгового бренда. «Рашен райз» станет синонимом надежности, порядочности, принципиальности, стойкости и – прибыльности, разумеется. Надо только потерпеть чуть-чуть.

– Нам-то чего терпеть? – вздохнула Наташа. – Нам тут очень неплохо, а другие сотрудники страдают.

– Вот за них и выпьем, – предложил мистер Хадсон и поднял свой стакан со льдом.

Но не выпил, а только пригубил. Почему-то ей показалось, что Джон больше думает о прибыли, чем о попавших в беду сотрудниках.

– Инвестиционные рейтинги России и так уже пошатнулись, – продолжал мистер Хадсон, – но это только начало. За последние три с половиной недели приток инвестиций в российскую экономику значительно уменьшился, а если тенденция продолжится, скоро может иссякнуть окончательно. И уже не важно будет, что явилось причиной, экономическая диверсия или действия правительства России. Помнишь тех девчонок, которые устроили пляски в храме Христа Спасителя? Во всем мире их считают героинями и борцами с режимом. Продюсеры называют их певицами, предлагают им контракты и гастрольные туры, хотя прекрасно осведомлены, что петь они не умеют, репертуара у них нет и внешность далеко не сценическая. Если бы девушки забрались в мечеть, их бы там порвали на части, и никто в мире не сказал бы ни слова в их защиту: с мусульманами никто ссориться не хочет. Раз порвали, значит, сами виноваты, не надо было оскорблять чувства верующих. Но они же не пошли в мечеть, следовательно, догадывались, что их там ждет. Думаю, тот, кто платил им деньги, направил их именно в православный храм, потому что только в таком случае возможно выдать хулиганство за акцию протеста.

– Почему ты их вспомнил?

– Ты разве не поняла? Очень скоро название «Рашен райз» или, как это по-русски, «Русский подъем», станет у всех на устах. Мы не какие-то там распущенные девчонки, снимающие на видео свой групповой секс в гипермаркете и угрожающие повешением евреям, геям и иностранным рабочим, а специалисты, мечтающие о подъеме российской экономики, много делающие для этого, занимающиеся благотворительностью... Корреспондент «CNN» в России вчера уже сдал материал о гибели Марины Степановны. Мне показали – я сам чуть не плакал. Маленькая квартирка, муж погиб в Чечне, дочка-инвалид – подающая надежды спортсменка, олимпийская надежда России, сломала на тренировке позвоночник и теперь парализована... Знаешь, что видно из окна той квартирки?

– Я не была у нее в гостях.

– Я тоже. Но оператор побывал. И снял все профессионально. Дочка, которая даже говорить не может, везде лекарства... Корреспондент заглянул в холодильник – в нем тоже лекарства. Потом камера показала вид из окна. На... кладбище. Представляешь, огромное поле крестов. Какая гениальная метафора: больная Россия, а в перспективе кладбище. Очень сильно получилось. Вот девочку-инвалида жалко. Я уже перечислил ей полмиллиона долларов на лечение, на сиделку и прочее. Просил адвокатов организовать похороны матери, привлечь телевидение, оппозицию... Процессия будет проходить прямо под ее окнами. Насколько мне известно, жители окрестных домов, даже те, которые не были знакомы с Мариной Степановной, собираются прийти организованно и с детьми. Это будут не похороны, а митинг, кото-

рый власти запретить не смогут. И вообще они серьезно влипли. Вчера начали выпускать из тюрьмы наших. Из четырнадцати человек десять уже на свободе...

– Как четырнадцать? – удивилась Наташа. – Сотрудников с российским паспортом было почти три десятка.

– Нет, тех, кто знал что-то конкретное, всего шестнадцать человек. Марины Степановны уже нет, а ты здесь, в безопасности. Реально в курсе всех дел Максим Грановский. Но его вряд ли отпустят, потому что его подпись есть на всех документах. Главный бухгалтер у нас был американец, если ты помнишь. Он сейчас дома, в Калифорнии. Но к нам на вечеринку обещал прилететь...

Глава 5

Грановского выпустили утром, и это произошло буднично и просто. Следователь сообщил ему об изменении меры пресечения. А перед тем, как Максима увели, предупредил, чтобы тот был осторожен.

– Что-то случилось? – не понял Максим. – Почему вы мне об этом напоминаете?

– Ну, мы выпустили одну из ваших коллег, и тем же вечером на нее было совершено разбойное нападение. Ее ударили ножом.

– Ее? – переспросил Грановский. – О ком вы говорите?

– О вашей подчиненной Петровой Марине Степановне. К сожалению, женщина скончалась до приезда «Скорой». Преступника сейчас ищут, но пока никаких зацепок – свидетелей-то нет.

– Что у нее брать-то? – удивился Максим Леонидович.

– Может, оказала сопротивление? – предположил следователь. – Точно установить, что и как случилось, сейчас трудно. А может, на нее напал психически больной человек или наркоман.

– Печально, – качал головой Грановский. – Трудно поверить.

– Выражаю вам свои соболезнования.

– Мне-то зачем. У нее дочь-инвалид. Что теперь с ней будет?

– Государство поможет.

Максим усмехнулся, но промолчал.

Он открыл дверь квартиры, вошел в прихожую и сразу почувствовал стойкий запах лекарств. Не разунаясь, подошел к двери комнаты матери и приоткрыл ее. Надежда Андреевна лежала в постели с закрытыми глазами.

– Ты спишь? – негромко спросил Грановский.

Мама открыла глаза.

– Ой, напугал... Я только-только задремала...

Наконец пожилая женщина поняла, что сын вернулся домой, и попыталась подняться. Но Максим подошел и удержал ее.

– Тебя отпустили насовсем? – спросила Надежда Андреевна. – Разобрались и поняли, что ты ни при чем?

– Разберутся, – попытался успокоить мать Грановский. – Отпустили, и ладно.

Посмотрел на прикроватную тумбочку, на пузырьки и коробочки с медикаментами.

– Гляжу, ты приболела...

– Немножко. Когда сообщили, что тебя арестовали, у меня что-то сердце прихватило. Но «Скорую» успела вызвать и даже дверь входную открыла. Подумала: вдруг приедут, начнут звонить, а сил подняться у меня уже не будет. Правда, очень быстро приехали, кардиограмму сделали. Только я отказалась от госпитализации. А зачем мне больница? Что мне там делать, когда ты в тюрьме маешься? Вот и лежала тут все время. Сейчас получше стало. Ко мне медсестра из поликлиники приходит уколы делать, врач участковый тоже заглядывает. Сегодня не знаю, придет ли, а завтра уж точно... Не бросают меня, так что ты не волнуйся.

Мать и сын поговорили еще немного. Потом Грановский отправился на кухню и заглянул в холодильник. Но есть не стал, сел за кухонный стол и посмотрел за окно на двор: детская площадка, трансформаторная будка, несколько гаражей – вид, знакомый с тех лет, как себя помнит. Гаражи уже вросли в землю и поржавели, а вот будку трансформаторную за это время перекрашивали несколько раз – теперь стала оранжевой. А так больше ничего не менялось, только тополя вымахали по самые крыши пятиэтажек.

Из коридора донесся звук шаркающих шагов, и на кухню вошла Надежда Андреевна.

– Ты бы лежала лучше, – сказал Максим.

– Нет, я сейчас быстро на поправку пойду, – весело возразила мама, – с чего мне теперь болеть, ведь ты вернулся! Прямо чувствую, как сразу лучше стало. Да и способна верно оценить свое состояние – у меня же четыре курса медицинского, и хоть врачом не стала, кое в чем разбираюсь.

Надежда Андреевна тоже открыла дверь холодильника, заглянула внутрь.

– Чем бы тебя накормить? Тут Лариса, соседка, приходила. Не бросила меня, заботилась – спасибо ей. Она и готовила, и рядом сидела. Очень хорошая девочка. Росточка, правда, маленького, но кому лошади-то нужны... А то, что у нее ребенок, не беда – не каждой ведь везет с мужем. Ты же помнишь ее дурака-пьяницу? И откуда такие люди берутся? Лариса добрая, заботливая, а тот все к бутылке тянулся. Но хоть развелась, и то хорошо. Ты присмотрелся бы к ней, не век же одному куковать.

– Присмотрюсь, – пообещал Максим.

– Она сегодня обязательно придет. А лучше сам к ней сходи. Поблагодари за меня, то есть за заботу обо мне. Поговори, пригласи куда-нибудь. Сходишь?

– Непременно.

– У меня в комнате бутылка шампанского припрятана, – вспомнила Надежда Андреевна, – с Нового года осталась. Возьми ее, конфет каких-нибудь. Она тебе что, совсем не нравится?

– Нравится, – кивнул Грановский, – хорошая девочка.

– Так в чем же дело? Вот и сходи к ней. Только переоденься во что-нибудь приличное.

Мать поставила на плиту кастрюлю, а Грановский еще раз выглянул в окно. Вспомнил о Марине Степановне, и у него защемило сердце так сильно, что он рукой потер левую сторону груди. Надежда Андреевна заметила движение.

– Тебя что, тоже сердце беспокоит?

Тот молча покачал головой.

– Когда врач приедет, надо попросить и тебя осмотреть. Мне колют что-то – так боль сразу отпускает. Я легко засыпаю, а когда пробуждаюсь, все таким славным кажется, будто и нет ничего плохого вокруг, как-то радостно на душе. А потом про тебя вспоминала и опять... Ты скажи врачу...

– Непременно, – снова пообещал Максим.

Он прошел в комнату, опустился в кресло и включил телевизор. Начал переключать программы, но ничто не смогло заинтересовать его. Опять перед его мысленным взором предстала Марина Степановна. Вспомнилось, как принимал ее на работу, как решил уже отказать ей, но увидел глаза женщины, подумал и сказал:

– Мы берем вас, но с испытательным сроком. Только учтите, если ваших знаний не хватит....

– Я буду стараться! – пообещала она. – Мне очень-очень нужна эта работа!

Ей было сорок или даже меньше, но выглядела старше. Потом только, уже поработав какое-то время, она стала иначе одеваться, делать прически и макияж. Помолодела немного и даже расцвела... И вот Марины Степановны больше нет.

Грановский взял мобильник, собираясь набрать номер мистера Хадсона, но вовремя одумался: нельзя связываться с боссом в любом случае. Возможно, его для того и выпустили, чтобы позвонил ему, доложил обо всем и спросил, что делать дальше, что отвечать полиции и тому подобное. Наверняка. Ведь все его разговоры будут прослушиваться и записываться, не стоит даже сомневаться.

По телевизору шла информационная программа. Девушка-диктор объявила о начале блока экономических новостей, и на экране появился прилизанный мужчина с одутловатым

лицом. Слушать его не хотелось. Максим решил уменьшить звук, но вдруг прозвучали слова «Рашен райз».

– Возвращаемся к нашумевшему делу, – произнес ведущий. – Как установило следствие, руководство фонда придумало сложные схемы ухода от налогов, поэтому экономический ущерб составил по меньшей мере около сорока миллиардов рублей. Кроме того, значительная часть прибыли уводилась за рубеж под мнимые контракты. Все это позволяло руководству фонда и даже рядовым сотрудникам жить на широкую ногу, устраивать вечеринки, приобретать дорогие автомобили, загородные дома, яхты, драгоценности и другие предметы роскоши. Помимо всего прочего, значительные средства выделялись на поддержку несистемной оппозиции, на организацию протестных мероприятий, митингов и прочего. Следствие располагает документами, свидетельствующими о том, что...

Грановский выключил телевизор.

«Вот ведь чушь! – подумал он. – Какие документы? Ложь от начала до конца! А ведь многие поверят. Да и как не поверить, если об этом сообщают в новостях. А другие, люди трезвомыслящие, все равно скажут, что дыма без огня не бывает. Когла еще суд состоится, а общественное мнение уже определилось. К тому же судьи тоже члены общества. Они тоже смотрят телевизионные новости и слушают радио в своих не самых дешевых автомобилях... Чем крупнее ложь, тем скорее в нее поверят. Кто это сказал? Геббельс, кажется. Вот и сейчас новостные программы создаются по тому же принципу...»

– Все стало вокруг голубым и зеленым, в ручьях зашумела, запела вода... – донесся из кухни негромкий голос Надежды Андреевны.

«Вот и хорошо, – улыбнулся Грановский, – мама поет, значит, скоро кончатся все неприятности. По крайней мере, для нее».

Он очень хотел, чтобы именно так и случилось. Постарался переключиться на другое и представить себе что-нибудь приятное. Даже глаза закрыл. И вдруг увидел перед собой Наташу Пешкову, которая подошла к нему и что-то шепнула, улыбаясь. Что именно, он не расслышал и, не решаясь переспросить, улыбнулся в ответ. Наташа повернулась и пошла по коридору офиса, направляясь к своему кабинету, мимо ряда одинаковых дверей и настенных бра. Максим смотрел ей вслед и видел ее тоненькую фигурку в ореоле света. Свет уносил Наташу, уносил медленно и далеко, пока та не растаяла в дымке...

Грановский открыл глаза и услышал разговор в коридоре. Кто-то пришел. Дверь открыла мама, а он даже не услышал звонка. Хотя, вероятно, именно звонок его разбудил. Максим поднялся и вышел в прихожую. Увидел мужчину в очках и белом халате.

– Добрый день, – улыбнулся ему врач, – как хорошо, что вы вернулись.

– Я ему вчера все про тебя рассказала, – призналась Надежда Андреевна. – Сказала, что ты хороший, но тебя злые люди оговорили.

– Ну, пройдемте в комнату, – повернулся к пациентке врач. И специально для Максима добавил: – Сегодня вы, Надежда Андреевна, выглядите лучше, но все равно лишний раз не вставайте. Сейчас я осмотрю вас и сделаю укольчик, чтобы было еще лучше.

«Доктор общается с ней как с ребенком», – подумал Грановский. И тут же удивился, сообразив, что именно так и сам говорил с матерью в последнее время. Не спорил, слушал все, что она рассказывала, вполуха и со всем соглашался.

Он хотел уже вернуться в свою комнату, как в коридор выглянул врач. Увидел его и вышел. А оказавшись рядом, шепнул:

– А вот как раз вы неважно выглядите. Сердце не беспокоит?

Максим покачал головой.

– Нет.

Но тут же вспомнил, как недавно, сразу после возвращения домой, сдавило левую сторону груди, и признался:

– Может быть, немного. Очень неприятное ощущение.

– Тогда дождитесь меня, не уходите никуда. Закончу с вашей мамой, а потом осмотрю вас.

Грановский вернулся в свое кресло. Снова включил телевизор. Прощелкал российские каналы, остановился на канале новостей «CNN» и увидел девушку с развевающимися на ветру волосами. Девушка улыбалась застенчиво, и ее улыбка была похожа на улыбку Наташи Пешковой. Максим подошел почти вплотную к экрану и посмотрел внимательно. Это и в самом деле была Наташа. Он схватил пульт и увеличил громкость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.